

ОБЫКНОВЕННЫЙ КОНЦЕРТ

Встреча с незнакомой публикой. Каждый артист испытывает волнение перед концертом...

«Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно, известными внешними знаками передает другим испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их», — писал Л. Н. Толстой. А если эти «другие люди» не зажгутся, если праздника искусства не получится? Вот откуда это волнение, эти частые в среде исполнителей взволнованные разговоры о слушателях «хороших» и «плохих»...

Мы в Сызрани. Мы — это лектор и артисты Куйбышевской филармонии, участвующие в лекционно-концертном «П. И. Чайковский». Дворцы культуры Сызрани мы хорошо знаем, бываем здесь часто и со слушателями встречаемся как с добрыми знакомыми. Но в этот раз нам приготовлен сюрприз: концерт

решили перенести в цех, на швейную фабрику № 14. Он состоится во время обеденного перерыва.

Чайковский в цехе! Каждому из нас не раз приходилось выступать на заводах во время обеденного перерыва, но обычно посвящались эти встречи песням. А тут — необыкновенный концерт: произведения Чайковского, требующие глубокой сосредоточенности, чуткого контакта между сценой и залом. Впрочем, какая там сцена, в лучшем случае — маленькие подмостки. А зал — огромное, без конца без края, помещение цеха. И почему — Чайковский? Может быть, дать обычный концерт, выбрать программу попроще, доступней? Да простят меня читатели за такое обилие вопросов, но ведь от решения каждого из них зависела наша «продукция».

И вот мы в цехе... Рабочие помогают нам обставить «сцену». Нам сообщают, что фабрика нача-

ла в этот день работу на полчаса раньше и что в нашем распоряжении времени столько, сколько нам нужно.

Я начинаю рассказ и долго не могу овладеть со своим волнением. Сознание раздваивается между мыслями о Чайковском и тревогой: «поймут ли?» Еще гудят какие-то невключенные станки, откуда-то доносится шум голосов, народ все прибывает. Где же та академическая тишина и сосредоточенность, которые так необходимы? Наверно, придется сокращать программу. Что же вычеркнуть из нее? Ну, конечно, инструментальные пьесы. Их, пожалуй, слушатели не воспримут.

Музыка звучит у нас по ходу рассказа о Чайковском. Вот, словно эпиграф, прозвучал маленький отрывок из Первого фортепианного концерта. Могучей радостью, ярким солнечным лучом ворвался он в цех, и кругом воцарилась вдох-

новенная тишина. Нет, не та корректная и холодная тишина, которая подчас бывает в филар-

моническом концертном зале, а другая, искренняя, активная тишина. И я уже чувствую, что у нас много добрых друзей и активных помощников. Это они следят, чтобы двери не хлопали, чтобы из соседних цехов не доносилось никакого шума.

«Погасли в комнатах огни», «Кабы знала я, кабы ведала»... Поет Надежда Мордасова. Аплодируют долго, горячо, от всей души. Потом Мария Волчонок играет фортепианные пьесы «На тройке», «Масленицу». Их принимают так тепло, что нам становится стыдно за наши недавние опасения. А мы еще думали сокращать программу!

Скрипичное соло из балета «Лебединое озеро», «Русский танец», «Неаполитанская песня» прозвучали в исполнении молодого скрипача Альберта Гантмана.

Встреча подходит к концу, а впечатление такое, что ее можно про-

должать долго-долго. Из зала передают заявки с просьбами исполнить не предусмотренные программой произведения Чайковского.

На «сцене» — Галина Масич и Борис Гальпер. В их исполнении уже звучали сегодня отрывки из оперы «Евгений Онегин» и романсы. А сейчас они поют сцену из оперы «Иоланта». Рыцарь Водемон раскрывает слепой от рождения Иоланте красоту света и пробуждает в ней страстную жажду увидеть, узнать, что такое свет. Эта сцена стала кульминацией всего концерта. И сейчас трудно сказать, кто больше был взволнован прекрасной музыкой Чайковского — исполнители или слушатели. Думается, что все-таки — слушатели.

«Я желал бы всеми силами души, чтобы музыка моя распространялась, чтобы увеличивалось число людей, любящих ее, находящихся в ней утешение и подпорку», — писал когда-то Чайковский. Здесь слова эти приобрели особенный смысл...

Чувство глубокой благодарно-

сти к организаторам этой встречи увезли мы с собой из Сызрани. Это чувство и заставило меня взяться за перо. Формализм везде губителен, в вопросах искусства он смертелен. Увы, мы еще слишком часто встречаемся с ним при организации музыкальной пропаганды. Он многолик. У людей, зараженных им, бывают тысячи всегда очень «объективных» и серьезных причин для того, чтобы подвести это дело под очередное мероприятие с «галочкой». Но вот энергичные люди, по-настоящему любящие музыку, умело организовали концерт в цехе и превратили «культурное мероприятие» в художественное событие. Эти люди — председатель фабкома швейной фабрики № 14 Е. В. Качаева, секретарь комсомольского комитета А. С. Расторгуева, начальник цеха А. И. Гаврилова и наш администратор А. И. Керш.

Е. ЦВЕТОВА.
Лектор филармонии.